

После приземления на крышу Брюнхильд вошла в школьный корпус с треугольной шляпой и метлой в руках. Девушка «открыла» дверь крыши своим философским камнем и быстро направилась в комнату изобразительного искусства на третьем этаже. Пока она спускалась вместе с котом по лестнице, её шаги эхом отзывались в коридорах.

Брюнхильд открыла комнату изобразительного искусства и вошла, обнаружив ту же тусклость, что она оставила, уходя.

Часы на стене показывали два часа ночи.

На рабочем столе рядом с зашторенным окном стояла картонная коробка.

Она находилась на том же месте, где девушка ее оставила. Ни намека на то, что кто-либо к ней прикасался.

Брюнхильд облегченно вздохнула.

Она запрокинула шляпу и метлу на рядом стоящий стол и заглянула в коробку.

Птенец был внутри.

Однако он не спал в центре. Его миниатюрное тельце опало на краю блюдца с едой.

Он не шевелился.

Колени Брюнхильд подкосились, и она рухнула на пол.

Брюнхильд неожиданно осознала, что находится на полу.

Она не могла вспомнить, когда села.

И до того, как она сумела найти ответ, девушка ощутила холод на ее зад и бедрах. То была температура деревянного пола.

Это вызвало в ее голове тот же вопрос: почему она сидит на полу?

И затем...

— Брюнхильд!

Знакомый голос черного кота вонзился ей в уши, и ее плечи содрогнулись.

Она пришла в себя. Брюнхильд осознала положение. И затем ее тело налилось силой. Это ощущение в спине, плечах, руках, талии и ногах вернуло назад ее решимость.

Что мне делать?— Подумала она, вскочив на ноги.

И затем девушка увидела черного кота, опершегося на картонную коробку.

— Что ты...

До того, как она произнесла «делаешь», кот остановил ее взглядом. Его взор был прямолинеен, и глаза наполнились беспокойством.

— Брюнхильд.

Брюнхильд хотела не дать ему произнести больше, но он открыл рот, несмотря на это.

— Он все еще жив.

— Э?..

Взор Брюнхильд неожиданно начал затуманиваться, но она выровняла дыхание и спросила:

— О чем ты?

— Похоже на то, что еда застряла в его горлышке. И мне кажется, он проголодался. Возьми пинцет.

Брюнхильд начала искать пинцет. Она паниковала, так что ей потребовалось пару секунд на то, чтобы вспомнить, что она оставила его рядом с картонной коробкой. Повернувшись обратно с пинцетом в руках, девушка обнаружила, что кот легонько удерживал птенца на месте передними лапами.

Клювик птенца распахнулся, и в нем виднелось нечто желтое.

— Ты не смог это проглотить, не так ли?

Брюнхильд попыталась пинцетом вытащить кусочек зернышка, застрявший в горле птенца. Девушка потянула, но дважды неудачно из-за того, что использовала недостаточно силы. Если она потянет слишком сильно, то может повредить его горлышко.

Брюнхильд опустила кончик пинцета в воду для птенца. Затем медленно подхватила еду и вытащила ее из клювика. Кусочек оказался меньше тех, что она давала ему этим вечером.

Кот со вздохом сказал:

— Он, наверное, еще не привык к тому, чтобы кормиться из блюда. Если еду не подавать ему сверху, она не пролазит в его горлышко. ...Смотри, он дышит, но тяжело. Что же нам делать?

Брюнхильд задумалась на этот вопрос.

Что же ей делать? Она размышляла и начала говорить то, что звучало для нее правильно, дабы натолкнуть себя на решение.

— Мы должны мягко обернуть его в тряпье, согреть и дать какую-то еду...

— Ты не можешь кормить его в таком состоянии.

Это заявление заставило Брюнхильд заволноваться. Кот был абсолютно прав. Чем же она должна его кормить?

Девушка не знала.

— Но в таком случае...

Все оборачивалось скверно. Вот почему Брюнхильд приняла решение. Она поместила руки на картонную коробку.

— Мы должны отыскать того, кто знает, что делать.

— Разве кто-нибудь такой найдется тут? Ты ведь практически одна в общежитии, помнишь? И ты оставалась одна в клубе из-за весенних каникул.

— Но это единственный выход.

— Для начала тебе нужно переодеться.

Брюнхильд взглянула на себя и осознала, что по-прежнему одета в черное платье ведьмы.

— Если мы привлечем слишком много внимания, нам конец, — добавил кот.

— Но, — начала Брюнхильд перед тем, как скрипнуть зубами.

Она стиснула зубы, но кивнула.

— Я из 1-го Гира...

Она подошла к шкафчику и открыла его. Реквием Зензе встретил ее тусклым светом, но девушка ничего не произнесла. Брюнхильд подхватила форму, лежащую под ним, и положила ее на рабочий стол.

Она сняла черное одеяние. Затем осознала, что одежда, идеально прилегающая к ее телу, вызывала неудобства в попытке быстро ее снять.

Пятнадцать секунд. Столько времени ушло у Брюнхильд, чтобы содрать с себя черное одеяние. Подхватив рубашку и форму, она открыла шторы. От школьных корпусов и общежитий не исходило ни единого огонька.

Там никого не было, или все уже спят? Помогут ли они ей? Уставившись во тьму, пока эти мысли поглощали ее разум, она подумала, что ее колени снова подкосятся. Девушка покачала головой, подняла взгляд и осознала, что рука, сжимавшая рубашку, дрожит.

Она услышала тишину. Ничего, кроме тишины.

Брюнхильд сжала рукав в зубах, когда засовывала в него руку, и приглушенный голос вытек из него:

— Что же мне делать?..

Поздно ночью Саяма вошел в корпус 2-го года обучения на пути в Библиотеку Кинугасы.

Он возвращался из магазина, что находился как раз у входа в академию. В пакете, свисающем с его руки, содержались упаковочные ленты, две пластиковые бутылки с напитками и немного легкой еды, вроде рисовых шариков.

Синдзё Сецу в данный момент распаковывал багаж в их комнате. Пока этаж был временно

занят, Саяма отправился наружу с Баку, чтобы прикупить еды на ночь, но на обратном пути заметил свет в окнах Библиотеки Кинугасы.

— Мне казалось, мы закрылись на ночь, когда Синдзё-кун прибыл ранее...

... Быть может, прибыл кто-нибудь из 1-го Гира?

Взгляд на часы сообщил ему, что было 2:01 ночи. Когда Саяма шагал через неосвещенный центральный холл, ночная атмосфера заставила его насторожиться.

Баку оглядывался по сторонам, сидя верхом на плече Саямы. Маленькое создание, скорее всего, пыталось подражать впередсмотрящему. Саяма улыбнулся на ту капельку уверенности, что зверек ему подарил. Затем он испытал напряжение во всем теле и слабую призрачную боль от шрамов на левой руке.

Когда парень представил себя со стороны, улыбка окрасилась горечью.

— Я шагаю через школу ночью с пакетом из магазина в руках в ожидании вражеской атаки.

...Что я делаю?

Но мир становился для него очень опасным местом.

Источник этой опасности исходил от Пути Левиафана и приближения решения, будет ли он принимать в нем участие, или нет.

Что я должен делать?— задумался Саяма, прислонившись к стене. Если он свернет налево на следующем повороте, то окажется в коридоре перед Библиотекой Кинугасы.

Тогда он будет знать, почему горит свет. Саяма кивнул и глянул вперед.

Он увидел только тьму.

Темная пустота перед его глазами неожиданно заставила вспомнить о вчерашней битве.

Парень припоминал лес, тяжелое дыхание оборотня и выражение на его морде перед тем, как все завершилось.

— ...

В ту минуту он решил сразить своего врага, а Синдзё позади него — нет.

Но выражение лица этого оборотня заставило его задуматься о том, действительно ли следовало его побеждать.

И то же самое произошло сегодня. Он решил сражаться, а Синдзё решила спасти.

Но действительно ли нужно было побеждать этого рыцаря и остальных?

Саяма сохранял молчание. Он подумал о Синдзё, полуприкрыл глаза и подумал о себе.

...Я был неправ.

Почему он не мог принять иное решение, кроме того, что принял?

...Если бы я мог принять то же решение, что и Синдзё-кун, то наверняка обрёл бы уверенность в себе.

Но этого никогда не случится. А раз так, не нужно об этом думать.

— Как мне суметь гордиться собственными решениями?

Такому его дед не научил.

И это было необходимо. Не просто присоединиться к Пути Левиафана, но стать серьёзным во всем.

Саяма вздохнул. Он открыл глаза и тут же начал двигаться.

Парень направился дальше по коридору к Библиотеке Кинугасы, стараясь шагать как можно тише. Он оценил обстановку. Дверь была открыта, и он мог заглянуть внутрь. Библиотека выглядела освещенной и опустевшей.

— ...

Саяма вошел, закрыл за собой двери, и присел. Пакет из магазина будет издавать шум, потому он крепко связал его пониже ручек, чтобы удержать содержимое на месте.

Парень уставился прямо перед собой и обнаружил Зигфрида рядом со стойкой у входа.

Высокий пожилой мужчина спал. Он сидел неглубоко на стуле, его руки были сложены над животом, и он выглядел совершенно спокойно.

Пакет из магазина, такой же, как у Саямы, расположился на стойке с пустым бенто внутри .

— ...Так вот что случилось.

Саяма выпрямился и вздохнул. От небольшой пузатой печки, стоящей рядом со стариком, исходило красное пламя. Саяма ощутил тепло, исходящее от пламени, и взмахнул руками, чтобы снять скопившееся напряжение.

Баку на его плече потянулся. Он, должно быть, тоже находился в напряжении, потому что издал вздох следом.

— Мы определенно начинаем ладить, — пробормотал Саяма, погладив Баку по головке.

Вслед за этим взор Саямы соскользнул от зрелища перед его глазами.

Саяма увидел тускло освещенное пространство.

Это была не Библиотека Кинугасы. Он очутился в одинокой деревянной комнате площадью в пять метров. В центре стоял стол.

Комнату заполнял слабый багровый свет. Он освещал высокий потолок, который оставил скат крыши открытым. Стены не доходили до потолка и, судя по длине балок, там было ровно шесть комнат. Саяма находился в наибольшей из них.

И затем он взглянул на самого себя.

...Я опять существую в виде восприятия.

Это прошлое, показанное Баку. Саяма тут раньше не бывал.

Как только он задумался над тем, чье же это прошлое, то заметил за столом напротив него две фигуры. Первой оказалась молодая женщина, а вторым был мужчина, спящий в кресле рядом со столом. Мужчина расположился спиной к Саяме.

Женщина поправила покрывало на мужчине. У неё были длинные и мягкие рыжие волосы и тонкие черты лица. Она носила блузку и палантин поверх бледно-зеленого платья.

Присмотревшись к женщине, Саяма подумал, что это походило на одежду из Средневековья. По отсутствию внешнего осознания своих действий и тому, как она шла на цыпочках, Саяма мог догадаться, к какому социальному статусу она принадлежала. Неожиданно парень улыбнулся. Он заметил на рукаве ее блузки пятно.

...Это что, краска?

В своих мыслях Саяма опустил голову и двинулся вперед. Он направился к противоположной стороне стола, откуда мог наблюдать за обоими.

У стены в противоположной стороне от стола расположился камин. В нем не было ни дров, ни огня.

...Что?

Внутри поместили одну каменную плиту.

На синей надтреснутой плите тридцатисантиметровой площади было написано одно слово. Оно казалось иностранным, потому Саяма не мог его прочесть. Однако он мог понять значение слова.

Огонь.

От каменной плиты исходил бледный багровый свет. Она даже производила тепло и трепещущее мерцание пламени.

Это сообщило Саяме определенную истину: он находился в 1-м Гире.

Парень посмотрел на двух людей перед камином. Женщина поправляла подол покрывала спящего человека. Со своего нового положения Саяма мог рассмотреть человека спереди.

Мужчина был молод. Широкоплеч и с носом красивой формы. Он имел короткие светлые волосы, и его глаза закрылись во сне. Длинные черные одежды облачали его высокое тело, явно не помещавшееся в кресле.

Саяма узнал мужчину. И женщина, выравнивающая подол покрывала, назвала его имя:

— Зигфрид...

Повернутая спиной к Саяме, женщина неожиданно наклонила голову. Затем потянулась рукой мимо покрывала вниз под кресло. Она, похоже, что-то обнаружила.

Через некоторое время женщина медленно толкнула рукой под креслом в сторону. Что-то, спрятанное там под покрывалом, выталкивалось из-под кресла.

Наружу показалась клетка. Совсем новая, сделанная из связанных вместе деревянных веток. Внутри стояла синяя птица, с повязкой вокруг правого крыла.

Женщина вздохнула. Она встала с клеткой в руках и повернулась в сторону Саямы.

Она глянула вниз, слегка нахмурившись. И снова вздохнула, перед тем, как произнести:

— Найн вымолила его об этом, я уверена. И он даже смастерил клетку...

Язык совпадал с тем, на котором рыцарь и остальные разговаривали днем. Он слышал значение, а не сами произносимые слова.

Птица в клетке подняла глаза. Она воззрилась на женщину со своей жердочки и расправила не перебинтованное левое крыло. Оно изогнулось в двойку посередине. Показывая женщине крыло, она издала резкий пронзительный щебет.

Этот щебет заставил женщину лихорадочно повернуться к Зигфриду позади нее.

Он спал, но она слегка наклонила голову и нахмурилась.

Женщина поспешно поместила клетку с птицей над камином. Она проигнорировала птицу, которая наклонила голову, глядя на нее. Женщина прикрыла клетку наполовину вязаной коричневой шерстяной тканью.

Она глянула туда-сюда между спящим Зигфридом и щебечущей птицей. Затем прошептала в сторону клетки. Саяма улыбнулся, когда ощутил, что ее слова означали «сиди тихо» и «ложись спать».

Слова женщины, похоже, достигли птицы, потому что она затихла, после того как еще немного пощебетала.

Женщина тяжело вздохнула и заговорила, поднеся свои руки к птичьей клетке.

— Я полагаю, придется ее оставить...

— И правда, — ответил тихий голос.

Саяма оглянулся одновременно с женщиной. Рядом с камином из-за перемычки, ведущей к

проходу, высунул лицо старик.

Его темно-зеленая одежда выглядела почти черной. Он был низкорослым и сухощавым, макушка его головы полностью облысела, лицо покрывали морщины, но в глазах теплился могущественный свет.

Мужчина вошел в комнату и остановился перед камином. Он сложил руки за спиной.

— Леди Гутрун, он солдат из другого Гира. Нам следует сохранять бдительность.

— Но, Доктор Регин, он спас нашу деревню. И... — Женщина, Гутрун, указала в направлении клетки, прикрытой вязаной тканью. — Почему он так поступил? Он прибыл, дабы разрушить наш мир, но остановил разрушение созданного Вами механического дракона моего отца, короля, а еще старался излечить раненую птицу.

— ...Где Найн?

— Спит... я полагаю. Едва лишь закончив ужин, она не делала ничего, кроме как слушала его истории и играла на том музыкальном инструменте.

Гутрун взглянула в сторону прихожей, и Саяма проследил за ее взглядом.

Он не мог ничего рассмотреть, но старик по имени Регин также направил туда глаза.

— Давненько уже не играли на этой шестирядной клавиатуре. Что за песню он играл?

— Я не узнала ее. Он сказал, что выучил ее давным-давно у себя на родине.

— Значит, у прочие Гиров есть культура, сродни нашей.

— Да, — произнесла Гутрун, соглашаясь. Она перевела взгляд на Зигфрида и проговорила более тихо. — На этом инструменте не играли годами, но это не потому, что мы о нем позабыли. С тех пор, как мой отец начал ужесточать защиту этого Гира, нам было не до того. ...Нам пришлось создать механических драконов, извлечь концепты, дабы создать Концептуальное Ядро, и запечатать или защищать каждый вход в 1-й Гир.

— Что Вы о нем думаете, принцесса? Может ли сердобольная принцесса вроде Вас помыслить, что он нарочно защитил эту деревню и спас эту птицу для того, чтобы втереться к нам в доверие?

— Зачем ему совершать все это ради такого маленького мира? С его силой, я думаю, он бы мог

с легкостью уничтожить всё и без подобных хитростей. И все же он не свершил этого и ныне пытается выучить наш язык.

— Он поведал, что прибыл из страны с похожей структурой языка, схожими терминами, и схожими письменами.

— Да. И сегодня он обучил нас значению слов той песни, что мы пели, играя на инструменте.
— Саяма увидел, как Гутрун прищурилась, взирая на Зигфрида, — То была святая песнь. То была песнь о не демонах, как говорят те, кто сомневается в нем.

— Вы подразумеваете меня?

— Нет, Доктор Регин. Я не могу сказать, что Вы в нем сомневаетесь. Вы лишь скептически относитесь ко всему.

На этом Гутрун погладила Регина по лысой голове.

Регин остановил ее двумя руками, и неуверенный, что дальше с ними делать, сложил их ей на груди.

— Похоже, мужчины не любят, когда их гладят по голове.

— ...Ты делала такое же и с ним?

— Да. Когда я обучила его паре слов, и он сумел осознать их значение. По какой-то причине он был недоволен. Но при этом он выглядит так счастливо, когда это делает Найн. — Гутрун вздохнула, но быстро взяла себя в руки и снова взглянула на Зигфрида. — Но все ли в том Гире подобны ему? Они тоже, в итоге, спасают людей, несмотря на намерение сражаться?

— Вам, быть может, следует сказать, что он сражается, несмотря на намерение спасти людей.

— Возможно, так и есть. ...Но я вижу в этом перспективу. Это может быть опасно из-за того, насколько смутна эта идея, но если и правда найдется множество подобных ему людей, они могли бы спасать других в своих попытках уничтожить.

— Принцесса, Ваше превосходное воспитание заставляет Вас размышлять о вещах в таком замечательном свете.

— А что если так? Мог бы кто-нибудь, вроде него, использовать священный меч Грам, что вы сотворили? Мог бы этот священный меч, наделенный собственной волей, избрать простого человека своим господином?

Неожиданно Гутрун повернулась туда, где находилось восприятие Саямы.

— Здравствуй, — произнесла она с улыбающимися глазами. Ее взор встретился прямо с ним.

Вслед за этим Саяма осознал, что произошло. Ее слова были направлены позади него в угол комнаты.

Саяма обернулся и обнаружил во тьме угла, куда не достигал свет от камина, невысокую фигуру.

Там стояла девочка. Низкого роста и худощавая. У неё были серые волосы и фиолетовые глаза. Она стояла позади Саямы, взирая на Гутрун. Девочка пыталась достать клетку на вершине камина.

Позади нее Гутрун произнесла с улыбкой в голосе.

— Где ты пряталась все это время? Не волнуйся. Я больше не буду убирать ее прочь. Раз она важна для тебя так, что ты пыталась ее спрятать и наблюдать за ней в столь поздний час, ты можешь забрать ее в свою комнату.

Эти слова вызвали на губах девочки улыбку. Гутрун издала вздох, в котором не звучало и намека на несогласие.

— Тебе следует сказать ему спасибо. Хорошо, Найн?

Это было имя девочки.

Едва Саяма услышал это короткое имя, он пробудился от прошлого, словно проснувшись ото сна.

Когда он пришел в себя после прошлого, то обнаружил, что находится, как и прежде, в Библиотеке Кинугасы.

Однако кое-что изменилось: Зигфрид проснулся. Он поднялся со своего стула и произнес:

— Баку показывал Вам прошлое?

— Догадались?

— Мы в свое время использовали тот же метод. Вы можете увидеть многое всего за пару секунд.

Саяма проверил часы и обнаружил, что было 2:03. Как Зигфрид и говорил, прошло всего пару минут.

Зигфрид вытащил упаковку растворимого кофе из небольшого холодильника, установленного под стойкой. Он также взял из-под стойки два бумажных стаканчика.

Саяма наблюдал, как Зигфрид подхватил чайник из пузатой печки.

— Мне казалось, немцы придирчивы в своем выборе кофе.

— Кто-то может придираться к качеству, а кто-то — к количеству. И я не настолько невоспитанный, что буду настаивать на наивысшем качестве в месте, предназначенном для книг. — Затем он указал на несколько документов и книг в твердом переплете, расположенных на стойке. — Я рад, что Вы здесь. Прибираясь в каморке, я нашел это. Взгляните наверх.

— ?

Саяма подошел к стойке, и в то же время кофейный аромат ударил ему в нос.

Поместив свой пакет из магазина на стойку, он заметил фотографию, лежащую на горе документов и книг.

Большую черно-белую фотографию поместили в деревянную рамку. Снимок был старым, запятнанным, и угол сморщился из-за расширения. Левая сторона, скорее всего, находилась слишком много на свету, потому что выглядела так, словно ее покрывал белый туман.

— Она чересчур поблекла, чтобы что-либо разглядеть...

— Похоже, она уже была в таком состоянии, когда ее обнаружил мой предшественник.

— В таком случае, уже слишком поздно. ...Это памятная фотография, сделанная где-то в горах?

Снимок сделали в горной местности. На фоне также виднелось небо, с лесом и степью немного ниже.

На сохранившейся половине фотографии угадывалось около десятка человек. Некоторые оделись в военную форму, другие носили самуэ[]Самуэ (яп. 山手) — одежда японского дзэн-буддистского монаха. Сделана из хлопка или льна, традиционные цвета коричневый или

индиго. Монахи одевают самуэ во время выполнения трудовых обязанностей, таких как поддержание храма и полевые работы. буддийских монахов, прочие были в альпинистском снаряжении. Среди них нашлись и женщины.

Зигфрид поставил на стойку чашку для Саямы.

— Это времен Департамента Национальной Обороны. После фотосъемки мы дискутировали, кто из нас больше всех походит на злодея. Позже ее оставили здесь в качестве украшения, ибо иначе это место выглядело бы слишком мрачно, но я и помыслить не мог, что она все еще здесь.

— И кого, в конечном счете, посчитали больше всех похожим на злодея?

— Мне запрещено раскрывать эту информацию по условиям Пути Левиафана.

— Выходит, Вы не хотите рассказывать мне, — со вздохом произнес Саяма.

Но в то же время он почувствовал в левой стороне груди внезапный трепет. Парень поднес туда правую руку и задумался о причине.

Саяма тут же осознал почему. Если это — памятная фотография Департамента Национальной Обороны...

— ...Где стоит мой дед?

— Рядом со мной. Вы его не узнаете?

Саяма выискивал изображение Зигфрида, которое увидел в прошлом незадолго до этого, но, к сожалению, самая середина фотографии была слишком запятнанной, чтобы хорошо ее разглядеть. Едва он это осознал, давление в груди ушло, подобно убывающей волне.

Парень тяжело вздохнул.

И тут же его глаза замерли на месте. Он узнал на черно-белом изображении из прошлого одежду одной из фигур.

Посреди заднего ряда кое-кто стоял спиной к камере. Саяма узнал в человеке, взиравшего в небо, первооткрывателя Бабеля, которого видел во сне. Это тот самый однорукий старик.

Зигфрид заметил его взгляд и сказал:

— Это Тэнкё-сенсей. ...Он основал эту школу. Он говорил, что потерял руку во время Русско-Японской Войны.

— Каждый раз, как слышу это имя, я не могу не думать, что Тэнкё — несколько странное имя.

— Я слышал теории, что его имя на самом деле читается как Амаёси или Амаясу, но никогда не слышал, чтобы он употреблял хотя бы одно из них. Близкие всегда звали его Тэнкё.

— Отсылка к небесам[☐]Это буквальное значение кандзи в имени, что можно прочесть как Тэнкё, Амаёси или Амаясу. , хм?

— Похоже, это было настолько напыщенное имя, что он его стыдился. Вот почему мы также подозревали, что его фамилия "Кинугаса" тоже была вымышленной. Если бы я мог описать его одним словом, я бы назвал его «эксцентричный».

— Превосходный выбор.

Саяма подхватил со стойки бумажный стаканчик.

Он выпил кофе, который, разумеется, был горьким. Парень смотрел на фотографию и смаковал горечь, прислушиваясь к Зигфриду.

— Как бы то ни было, ему нравилось подшучивать над людьми. Каждому так или иначе довелось испытать это на себе.

— Звучит убедительно, если вы так серьёзно этом говорите.

Саяма поместил фотографию обратно на стойку и зашагал по библиотеке. Он направлялся к полке с книгами, написанными Кинугасой. До не было рукой подать. Он добрался туда почти мгновенно. Книги, на которые он смотрел этим утром, стояли в третьем ряду снизу.

Саяма открыл первый том, который посвящался Скандинавским легендам. Текст был написан горизонтально справа налево.

— Постойте...

Саяма поместил книгу на близстоящий стол. По-прежнему не в состоянии двигать левой рукой, парень осознал нечто насчет горизонтально написанной книги.

— Она сделана таким образом, чтобы страницы было легко переворачивать правой рукой.

— Он и впрямь был эгоистичной личностью. Он сообщил, что прибыл из Императорского Двора, но впоследствии я узнал, что это ложь.

— Эта школа основана не подобающим взрослым, не так ли?

— Он был хвастлив и обладал весьма широким кругозором. Во время создания Департамента Национальной Обороны он уже занимался исследованиями различной мировой мифологии еще до того, как мы узнали о Концептуальной Войне. ...Он знал, что различные Гиры сражались между собой, но ждал, пока мы сами это осознаем, — сказал Зигфрид. — Он являлся основателем этой школы и был авторитетом в области фольклора и мифологии. Он также спроектировал эту библиотеку. Во времена Департамента Национальной Обороны он нередко приходил сюда, когда нуждался в материале для изучения. Я слышал, он сконцентрировался в основном на мифологии после обнаружения Бабеля, но больше занимался технологией, когда работал на Корпорацию Изумо. Он первый, кто сконструировал наше раннее концептуальное оружие.

Саяма взглянул на прочие ряды книжных полок и увидел книги, связанные с мифологией и машиностроением.

Книги по мифологии обычно повествовали о мифологии разных миров, но многие также были связаны с Библией.

— Другими словами... Можно сказать, наше местоположение было создано под влиянием Концептуальной Войны?

— Многое случилось в то время.

Саяма кивнул, вернул книгу на полку и вернулся назад к стойке.

Зигфрид поднял черно-белую фотографию.

— Департамент Национальной Обороны после Второй Мировой Войны преобразовался в USAT. До этих пор вот его основные члены. Оглядываясь назад, мы отдавали тогда себя этому целиком.

— Почему он превратился в USAT после войны?

— Ну, USAT изначально являлась американской и европейской организацией. Они узнали о нашем существовании, когда Германия проиграла, и с обнаружением отдельных документов, что я туда посылал. И после этого Япония была раздавлена Америкой.

— Выходит, Германия всего лишь «проиграла», тогда как Япония была «раздавлена»?

— В Германии всего-навсего оккупировали ее столицу. Она никогда не сдавалась.

— Не поздно ли для правой идеологии?

— Не обращайтесь внимания, — ответил Зигфрид, передавая фотографию над стойкой Саяме. — Так или иначе, прибывшие Америка и Англия обнаружили наше существование. Каждая страна несла потери от странных чудовищ, возникающих во время войны. Они создали UCAT в качестве контрмеры.[]UCAT на самом деле переводится как Universal Counter Attack Team (Международный Отряд Контрнаступления). Но в тексте это нигде не упоминается вплоть до иллюстрации в 7-м томе. Однако исследования и технологии Департамента Национальной Обороны намного их превосходили.

— Ну, неудивительно. Благодаря стимулированию лей-линий, используя Взаимодействие Мира и Божественных Штатов, Япония активнее контактировала с Концептуальной Войной, чем любая другая страна.

— Верно. Они находились на стадии расследования происходящего, в то время как нам уже пришлось вступить в бой. Но во имя гордости Америки Департамент Национальной Обороны реорганизовался в японский UCAT, и мы согласились сотрудничать с ними. Однако в бой отправили лишь местных, так что большинство прибывших из победоносных наций оттеснили на второй план. И после непродолжительного конфликта мы окончательно уничтожили прочие Гиры.

Зигфрид затих на несколько секунд, пока неожиданно не поставил свой стаканчик на стойку.

Тот издал громкий звук, ударив по дереву. К тому времени старик уже двигался прочь.

— ?

Саяма проследил за его широкими шагами.

Высокий старик преодолел расстояние от стойки до двери всего за пять секунд.

Перед тем как парень успел спросить в чем дело, Зигфрид поместил руку на дверную ручку и потянул ее в сторону.

Саяме показалось, что в эту минуту он услышал голос.

Он не знал, был ли то шепот Зигфрида или пережиток прошлого, что он наблюдал в библиотеке, но голос произнес имя, которое Саяма запомнил.

— Найн.

Вслед этому тихому голосу дверь распахнулась, явив прохладный коридор позади.

Брюнхильд стояла у двери Библиотеки Кинугасы. Ее комнатная обувь покрылась грязью с улицы.

Ее плечи, ее ноги, поддерживающие тело, слегка дрожали, и девушка не могла унять эту дрожь.

Птенец в картонной коробке, которую она держала, лежал на боку и едва дышал.

Губы Брюнхильд зашевелились. Ее голос не зазвучал, но движения губ сформировали слова, что она должна была произнести.

Прошу.

Она должна произнести только одно слово.

Девушка прошла через кафетерий, женское общежитие, учительский корпус, но не встретила никого, кто мог бы это слово услышать. Только одно место и оставалось. Библиотека Кинугасы была ее последней надеждой. И едва это осознав, она поспешила туда.

Но теперь, когда она тут...

— ...

Дрожь в ее ногах не унималась, кончики бровей опустились, а голова поникла. У нее было чувство, будто что-то тяжелое застряло в животе.

— Почему? — дрожащим голосом прошептала она, — Почему это опять он?

Но ее опущенный взгляд показал ей птенца.

Его дыхание было слабым. Когда она увидела легкое покачивание его тела, Брюнхильд приняла решение.

С непрекращающейся дрожью она двинулась к двери.

Ее шаг был тихим.

Однако ответ оказался волевым и громким.

Дверь распахнулась у нее на глазах.

Преграда перед ее глазами исчезла, и она увидела свет.

И посреди него стояла высокая тень.

Зигфрид Зонбург. Так звали эту тень.

Его голубые глаза взирали прямо на нее, а на лице не читалось и капли суровости.

Его окруженный бородой рот зашевелился, произнеся вопрос. Его голос прозвучал для нее ностальгически:

— Что-то случилось?

Затем он назвал ее имя:

— Брюнхильд Шильд-кун.

Он использовал ее нынешнее имя. Как бы в ответ на это, ее взгляд помутнел.

— А...

Наружу вырвался вздох и превратился в небольшой кашель. Она попыталась произнести слова, заготовленные заранее.

Прошу. Спасите этого птенца.

Брюнхильд должна произнести эти слова. Она должна произнести твердо, чтобы выразить свои намерения. И так, чтобы он при этом не раскрыл ее личность.

Она заговорила. Или, вернее, попыталась заговорить:

— ...

Ее губы безмолвно затрепетали, наружу вырвался очередной ком воздуха, и она звучно вдохнула его назад.

Продолжая стоять с дрожащими плечами и тяжелым дыханием, Брюнхильд осознала, как что-то скатывается по ее щеке. Оно ощущалось теплее, чем температура ее тела.

Что это было?

Девушка не знала.

Она знала только слова, которые должна произнести. Брюнхильд взглянула вперед. В её размытом взоре фигура, стоящая перед ней, также предстала размытой. Брюнхильд заговорила с этим человеком, что будто бы обладал неясной формой.

Прошу.

— Спасите...

Спасите этого птенца.

— Спасите!..

Когда она говорила, ее дыхание словно застряло в горле.

И тогда нечто пронеслось мимо ее ног. Это был шорох черного кота. Девушка глянула вниз, и размытость ее взгляда скатилась по щекам. Едва в глазах немного прояснилось, она увидела черного кота, трущегося о мужскую голень. И сверху ей послышался голос:

— Понял. ...Я помогу Вам.

Брюнхильд взглянула наверх. Это движение вынудило нечто большое скатиться с ее глаз, и ее взор обрел кристальную чистоту.

В своем поднятом взгляде она увидела Зигфрида. Он взирал на нее сверху вниз. На его угловатом лице не было ни улыбки, ни злобы, ни печали. Он смотрел на нее самым обычным образом.

Брюнхильд повысила свой дрожащий голос вопросом:

— Правда?

— Между нами, безусловно, порой возникали конфликты, — он кивнул, шагнув в сторону, приглашая ее одной рукой. — Однако Вы пришли ко мне, признав, что есть нечто, с чем вы не можете справиться самостоятельно. Вы сложили слова и пытались открыть эту дверь. И все это

Вы проделали ради кого-то другого. — Он перевел дух. — Подобные действия требуют мужества. У меня нет причин Вам отказывать. И у Вас нет причин для слёз. В конце концов, я спасу эту птицу, и она отблагодарит Вас за то, что вы приняли правильное решение. ... Проходите, юная девушка. Это было ваше решение.

Когда выяснилось, что Зигфрид останется в библиотеке на всю ночь, Саяма его оставил и вернулся в свое общежитие.

Перед тем как уйти, он набрал в чайник свежей воды и купил три кукурузных супа в торговом автомате рядом со зданием школы.

... Я действительно подобрел.

С этой мыслью парень направился на второй этаж здания общежития. Он вошел в коридор и отметил, что багаж, стоявший у его комнаты, пропал.

— О?

Парень заглянул внутрь и обнаружил, что в комнате не горел свет.

Неужели Синдзё-кун лег спать, не дождавшись меня? — любопытствовал он, входя в комнату.

Комната освещалась бледным светом луны, и в ней навели порядок. Несколько коробок оставались на полу, но...

— Это багаж для совместного использования?

Не похоже было, чтобы Синдзё прикасался к полкам сбоку от кровати, чемодану у стены, или другим местам хранения, что он делил с Саямой. Закрытые коробки стояли перед ним в ожидании распаковки.

Я полагаю, мне следовало вернуться раньше, подумал Саяма, поместив пакет из магазина на стол.

Он обнаружил на столе записку. Она была написана на оторванном листе бумаги. В центре значилось: «Я устал, потому иду спать, не дожидаясь тебя. Извини».

Прочитав записку, Саяма посмотрел на нижнюю койку. Он увидел силуэт Синдзё, лежащий поверх матрасов.

...Вот, значит, каково это, иметь соседа по комнате.

Когда он кивнул и положил записку назад на стол, Баку неожиданно спрыгнул туда с его плеча. Зверек побежал и скакнул дальше к столу, который принадлежал Синдзё.

Там лежали письменные принадлежности, принесенные парнем.

Среди них угадывался красный тканевый пенал для карандашей, связки с отрывными листами и переносной компьютер. Отрывные листы были двух типов. Одни в линейку, а другие — рукописная бумага японского стиля.[□]Гэнко-ёси — японская линованная бумага для письма. На ней размечены квадраты, обычно 200 или 400 на лист, причём в один квадрат предполагается поместить один знак японского письма или пунктуации. Подробнее на Википедии

Баку забрался на одну из связок бумаги и тут же заснул.

...Это важно для Синдзё-куна?

Баку не ответил и даже не повернулся в сторону Саямы. Он уже свернулся калачиком и крепко спал.

Саяма выдал небольшую улыбку.

Он повернул глаза на свой собственный стол и увидел учебные принадлежности, которыми пользовался с первого года.

Парень потянулся к углу стола. Там стояла фотография в рамке.

Он подхватил небольшую деревянную рамку перевязанной левой рукой и выставил ее на лунный свет.

На фотографии изображался обширный спортзал. Он ярко освещался, и в нижней части виднелась белая платформа для победителей. На первом и третьем месте стояли парни, одетые в кимоно для каратэ.

Саямы на фотографии не было.

Парень молча вернул рамку на прежнее место. Под светом луны шрамы на левой руке сияли белизной.

— ...

Он услышал неожиданный звук. Шуршание ткани.

Осознав, что это такое, парень повернулся к источнику звука.

Шорох был вызван Синдзё, который ворочался на нижней койке.

Распущенные волосы парня раскинулись по всей кровати. Его тело согнулось в пологую форму «V», и тонкое одеяло его прикрывало. Он был одет в белую ночную рубашку.

Одеяло слегка раскрылось, и его ступня и белые бедра показались наружу.

— Мм...

Слабый голос вырвался из его губ, и его выражение лица слегка изменилось.

С коротким вздохом он поправил свое положение. Эти слабые движения углубили V-образную форму его тела.

Одеяло сползло в сторону и из-под рубашки выглянуло белое нижнее белье, прикрывающее его зад. Саяма взглядом сопроводил линии его бедер, одно из которых находилось слегка впереди другого. Линии выписывали стройные формы, выпуклые как полагается.

Саяма присмотрелся к белому нижнему белью, скрывающему его зад, и наклонил голову:

— Это серьезно не Садаме-кун?

Парень поднес руку к подбородку и задумался. Он осознал, что узнает раз и навсегда, если снимет нижнее белье прямо перед собой.

И он продолжил размышления.

Саяма обдумал положение, его внезапность, что произойдет после, и как он сможет справиться с последствиями. И в итоге он выработал план:

— Если я объясню ситуацию, он наверняка поймет.

Саяма веско кивнул и ощутил, что эти слова содержали в себе огромную силу убеждения.

Его сомнения развеялись. Пришло время действовать. Парень наклонился над кроватью, словно прикрывая Синдзё собственным телом.

Следом он начал тянуться к ткани, выставившей напоказ округлые формы зада Синдзё.

Но вдруг с губ Синдзё сорвался тихий голос. Он заговорил дрожащим, надломленным голосом:

— ...Прости.

Саяма поднял голову и посмотрел Синдзё прямо в лицо.

Парень стонал, и его глазницы дрожали под закрытыми веками. Его рот слегка приоткрылся, когда он промолвил:

— Я всегда ошибаюсь...

Его частично сбитое дыхание поглотило эти слова. Он больше не мог говорить, но его лицо оставалось неизменным.

Саяма припомнил слова, которые говорила Садаме, и покачал головой.

За последние несколько дней он начал придавать значение тому, что люди говорили во сне.

...Я настолько смутный человек?

Саяма глянул на лицо Синдзё, но проговорил так, словно предупреждая себя.

— Дело вовсе не в этом. ...Определенно.

На этих словах Саяма воспользовался своей вытянутой рукой, чтобы схватить одеяло. Он укрыл им назад тело Синдзё.

После этого легонько похлопал Синдзё по спине. Саяма сделал это медленно, словно убаюкивая ребенка.

— Мм...

Дыхание Синдзё постепенно успокоилось. Однако строгое выражение не сошло с его лица.

На данный момент это всё, осознал Саяма.

Парень понимающе кивнул и поднялся с кровати. Он выглянул в окно и увидел на небе белую

луну. Саяма проговорил, пока смотрел, как луна посылает свой свет, который можно было назвать холодным:

— Я делаю нехарактерные для себя вещи, но это может быть моя единственная возможность. Продолжу ли я накапливать ненависть на себе до тех пор, пока мое тело не разрушится, или же отрешусь от всего? ...В скором времени мне следует выбрать то или другое.

Он потянулся рукой к луне. Боль в перебинтованной левой руке пронеслась сквозь плечо ему в голову.

Однако Саяма раскрыл свое изрубцованное левое запястье, затем сложил его в кулак, словно хватая луну.

Он выпустил дыхание и определенные слова:

— Каковы условия для злодейства?

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274153>